

— Извини, сестра Сяомань, я не оправдал твоих надежд... Но этот жиртрест совсем зарылся, я просто не мог позволить ему торжествовать! Да-да-да, я вспылел, обещаю, это в первый и последний раз... Ой, нет-нет-нет, сестра Сяомань, ты давай отдыхай, моей крестнице ни в коем случае нельзя переутомляться! Гарантирую, больше никакой самодеятельности... Ага, я тут только что еще на одну работу согласился, и на этот раз — главная роль! Сценарист Чжан сосватал... Ладно, пока, набирайся сил! — Цзян Ин повесил трубку с совершенно удрученным видом, но тут же попытался приободриться.

Так, с сестрой Сяомань вопрос улажен, дальше у нас по плану... по плану...

Мэй Цзыхань состряпал кислую мину и тоскливо уставился на Цзян Ина, который с головой ушел в чтение сценария:

— Дорогой, ну почему ты всё время смотришь в эту бумажку, а не на меня? Неужели там действительно настолько интересно?

Цзян Ин поднял голову, его глаза всё еще были влажными от слез.

Эй-эй-эй, да ладно!

Я что, смогла довести его до слез?

Заставить красивого мужчину плакать — да за такой грех прямая дорога в ад!

— Всё в порядке, — Цзян Ин отстранил предложенную Мэй Цзыхань салфетку. — Я просто попытался вжиться в роль, пока читал, и эмоции хлынули сами собой.

— А, слезовыжималка, — быстро сообразил Мэй Цзыхань. — Сценарист Чжан, когда скидывал мне текст, сразу предупредил: драма жуткая, его ученик написал по мотивам реальных событий.

Сценарист Чжан очень ценил этого ученика, который сам написал сценарий и сам собирался ставить фильм. Но связи у самого сценариста Чжана были так себе, так что помочь он мог разве что подбором актеров.

«Мой отчим», история на реальных событиях. Если верить сценаристу Чжану, это была личная трагедия его ученика. Тот потерял отчима из-за рака и в память о нем решил сделать этот проект своим режиссерским дебютом.

Вот только у ученика сценариста Чжана не было ни громкого имени, ни хорошей команды, так что выбор актеров у него был весьма скромным.

Будь это прежний Мэй Цзыхань, сценарист Чжан даже не взглянул бы в его сторону. Но во второй половине прошлых съемок Мэй Цзыхань совершил ощутимый рывок в актерской игре, и мэтр, подметив это, решил дать ему шанс.

— Слог у сценария довольно посредственный, но искренность чувств всё перекрывает, — Цзян Ину, похоже, драма пришлась по душе, и он не скупился на похвалу.

— То есть ты считаешь, мне стоит согласиться? — полюбопытствовал Мэй Цзыхань. — Неужели и правда так хорош?

Он сам пролистал текст беглым взглядом: обычная клишированная троица — смерть

родителей, смерть жены, смерть детей.

Разве что вместо женского персонажа поставили мужчину, а в остальном ничего особенного.

Разве что логика повествования постройнее?

Мэй Цзыхань подумал, что его вкус, видимо, пока недотягивает до уровня Цзян Ина.

— В тех сериалах, где ты обычно снимаешься, нет плавных переходов, всё выглядит дубово. Актеры умеют только фальшиво орать, сюжет наигранный и картонный, вот ты и не видишь эффекта, — Цзян Ин вернулся в привычное состояние и деловито принялся разбирать материал: — Если брать эту роль сейчас, тебе потребуется спецподготовка.

— ...Опять? — только и успел выдохнуть Мэй Цзыхань, как тут же поймал метнувшийся в него строгий взгляд Цзян Ина.

— Я был не прав, правда, не стоило мне тогда горячиться, — тут же покорно повинился Мэй Цзыхань.

— На самом деле, обругал и обругал — добрых всегда обижают, так что ты всё сделал правильно, — Цзян Ин наконец улыбнулся. — Но раз уж ты это сделал и высказал ему всё, почему теперь жалеешь?

— Э-э...

Ну не признаваться же, что я просто испугался твоей и Сяомань трепки?

— Будь я на твоём месте, я бы, наверное, тоже разозлился, — утешил его Цзян Ин.

Мэй Цзыхань почувствовал себя куском пластилина: как Цзян Ин его разминал, так он и лепился.

Но, боже, до чего же ему это нравилось!

Потому что Цзян Ин действительно искренне о нём заботился — уж точно больше, чем все эти так называемые роли.

— Вот именно, этот жиртрест вести себя вообще не умеет, — Мэй Цзыхань сгреб ладонь Цзян Ина в свои и стал ласково её поглаживать. — В следующий раз я точно не струшу.

— Не будет никакого следующего раза, — Цзян Ин посмотрел на него, но руку забирать не стал.

— Хм, может, ещё обсудим сценарий? — Мэй Цзыхань незаметно подобрался ближе, умело применяя тактику «дай палец — руку откусит».

— Дай согласие на этот сценарий и начинай въедаться в текст. Ты должен сыграть так, чтобы зритель почувствовал эту боль как свою собственную, только тогда это будет хорошей работой.

— Э-э... И как именно это сделать?

— Для начала подумай, сколькими способами можно плакать? — с вызовом спросил Цзян Ин.

— В ближайшие дни ты свободен, вот и пораскинь мозгами. Что касается сценария, сценарист Чжан обещал помочь с доработкой. Я уже дал согласие от твоего имени, так что, если всё

пройдет гладко, снимать будем прямо по ходу правок, месяца за два справимся.

У Мэй Цзыханя аж глаза на лоб лезли от подступающих слез.

А он-то надеялся, что они с Цзян Ином смогут съездить отдохнуть!

Ох уж эта проклятая работа.

Да он прямо сейчас готов продемонстрировать Цзян Ину с десятков разных видов плача, и ни один не повторится!

Съемочная группа «Моего отчима» раскачалась мгновенно: уже на следующий день после того, как Мэй Цзыхань дал согласие, ему позвонили и пригласили приехать на площадку для знакомства.

Цзян Ин неожиданно выразил желание поехать вместе с ним.

В душе Мэй Цзыханя кольнуло легкое смущение.

Хотя Цзян Ин уже плотно вошел в его жизнь и работу, одна мысль о том, что его никудышная, донная актерская игра развернется прямо на глазах у Цзян Ина, казалась настоящим испанским стыдом.

Разумеется, открыто возразить Мэй Цзыхань не смел.

Он едва-едва добился того, чтобы держать его за ручку!

Поэтому Мэй Цзыхань лишь состряпал заботливую мину и как бы невзначай поинтересовался:

— Дорогой, на съемках я, скорее всего, не смогу уделить тебе время. Наши съемочные площадки совсем не такие, как за границей. К тому же... тебе разве не надо на работу?

Услышав это, Цзян Ин повернул голову и пристально посмотрел на него.

Мэй Цзыхань ответил непонимающим взглядом.

Цзян Ин слегка улыбнулся:

— Летние каникулы.

!!!

— Так рано? — опешил Мэй Цзыхань. — Сейчас же только июнь?

— Но занятий у меня больше нет, — ответил Цзян Ин, не сводя с него глаз. — Вся отчетность передана секретарю комсомола, мне останется выкроить всего один день, чтобы провести экзамен.

С этими словами Цзян Ин еще раз глубоко посмотрел на Мэй Цзыханя:

— Я ведь давно отправлял тебе свой график. Ты что, не смотрел?

Мэй Цзыхань покрылся холодным потом.

Началось. Вот оно.

Первое серьезное испытание для пары!

Цзян Ин знает его работу и жизнь вдоль и поперек, а он даже не в курсе, что у того наступают каникулы и куча свободного времени? Поменяйся они местами, Мэй Цзыхань уже рвал и метал бы от ярости.

Но теперь роль «похотливого кобеля и эгоиста» досталась ему самому — и как выкручиваться?!

Святые угодники!

Да я сам этих каникул уже сто лет не видел, откуда мне вообще о них помнить?!

Что касается графика, то он, конечно, его просматривал.

Но в последнее время ведь столько всего навалилось! С тех пор как Цзян Ин стал его «наставником», Мэй Цзыхань подсознательно списал все его действия на роль «личного репетитора».

А у личных репетиторов летом как раз самый сенокос!

Без паники.

Спокойно, Мэй Цзыхань.

Сплюнь и держи удар!

На Мэй Цзыханя снизошло озарение, и он тут же крепко обнял Цзян Ина за руку:

— Конечно, я смотрел график! Я еще тогда планировал, как мы поедем в путешествие. А потом ты зацепился за этот сценарий, я согласился на работу, и поездка накрылась. Да я с радостью вычеркнул бы это из памяти! Ты заполнил собой все мои мысли, но, дорогой мой... тебе не кажется, что у нас двоих катастрофически мало личного времени? — Мэй Цзыхань посмотрел на Цзян Ина самым преданным и умоляющим взглядом.

Высший балл!

В душе Мэй Цзыхань неистово аплодировал своему феноменальному экспромту.

Мало того что выдал порцию сладких речей, так еще и перехватил инициативу, повернув стрелки в другую сторону.

Похоже, если с актерством не задастся, можно будет смело идти в блогеры-психологи или писать статьи про идеальные отношения.

Цзян Ин наблюдал за всеми его ужимками и, видя, как тот расплывается в довольной улыбке до ушей, не удержался и слегка ужалил Мэй Цзыханя за щеку.

Неужели этот дурачок думал провести его такой примитивной уловкой?

Мэй Цзыхань сам этого не замечал, но Цзян Ин видел всё насквозь.

Двадцать семь лет. Для обычного мужчины это возраст зрелости и степенности. Но у Мэй Цзыханя этого не было и в помине.

В его характере всё ещё жила детская непосредственность.

Возможно, дело было в том, что, попав в индустрию развлечений, он тихо вел себя, никогда не был на вершине славы и не подвергался жесткой травле. Хотя он и снимался постоянно во всяком проходном шлаке, благодаря этому его жизнь текла гладко. На площадках не было изошренных подножек — напротив, актеры общались по-простому, как братья, подшучивая и перемывая всем кости.

И эта черта осталась в нем до сих пор.

Не фальшивый «юношеский задор», нарисованный гримерами и маркетологами, а то настоящее, что изначально заложено в его природе.

<http://bllate.org/book/18139/1754643>